
СОЛНЕЧНЫЙ-12
18+

И Х
За тремя заборами

https://litres.ru/74726007
SelfPub; 2026

Аннотация

Колония строгого режима «Солнечный-12» — это государство в государстве, где не действуют законы РФ, но свято чтут устав и воровской кодекс. Сюда, полный идеалистических надежд, прибывает старший лейтенант Михаил Воронов. Он верит в справедливость, в силу приказа и в то, что систему можно изменить изнутри.

Запертый в кабинете, под прицелом собственного начальства, он делает звонок, который меняет всё. Один рапорт запускает механизм, который невозможно остановить. Когда в колонию тайно завозят партию оружия для масштабного бунта, а Гвоздев оказывается в ловушке вместе с бандитами, Воронову приходится заключить сделку с дьяволом. Чтобы выжить и уничтожить коррупцию, офицер ФСИН должен объединиться с вором в законе.

Содержание

Глава 1. Резьба 7
Глава 2. Макулатура 12
Глава 3. Прожектор 16
Глава 4. Война скрепок 21
Конец ознакомительного фрагмента. 22

И Х
За тремя заборами

ЗА ТРЕМЯ ЗАБОРАМИ

«За тремя заборами»

Колония строгого режима «Солнечный-12» — это государство в государстве, где не действуют законы РФ, но свято чтут устав и воровской кодекс. Сюда, полный идеалистических надежд, прибывает старший лейтенант Михаил Воронов. Он верит в справедливость, в силу приказа и в то, что систему можно изменить изнутри.

Реальность встречает его запахом хлорки, гниющей капустой и ледяным равнодушием. Михаил быстро понимает: здесь всё продается и покупается. Продажные прапорщики закрывают глаза на телефоны в бараках ради пакета с продуктами. Глупый и алчный начальник колонии, подполковник Гвоздев, разворовывает бюджет, готовясь к свадьбе дочери. А в жилой зоне правит «смотрящий» Барон — умный, жестокий и смертельно уставший от системы преступник, который знает о начальстве больше, чем военная прокуратура.

Когда Воронов отказывается играть по правилам и пишет

первый честный рапорт, система объявляет ему войну. Его подставляют, лишают оружия, переводят в самый гнилой отряд и оставляют на растерзание блатным. Но Михаил совершает невозможное: он начинает отвечать системе её же оружием — бюрократией.

Запертый в кабинете, под прицелом собственного начальства, он делает звонок, который меняет всё. Один рапорт запускает механизм, который невозможно остановить. Когда в колонию тайно завозят партию оружия для масштабного бунта, а Гвоздев оказывается в ловушке вместе с бандитами, Воронову приходится заключить сделку с дьяволом. Чтобы выжить и уничтожить коррупцию, офицер ФСИН должен объединиться с вором в законе.

«За тремя заборами» — это жесткий производственный триллер и психологическая драма о том, как далеко может зайти человек, пытаясь остаться честным в месте, созданном для наказания. Это история о том, что самый прочный забор — тот, который человек строит вокруг собственной совести, и единственный способ выйти на свободу — разрушить его до основания.

Оглавление

Глава 1. Резьба
Глава 2. Макулатура
Глава 3. Прожектор
Глава 4. Война скрепок

Глава 5. Слепая зона
Глава 6. Перехват
Глава 7. Ноль два
Глава 8. Чемодан
Глава 9. Банка с пауками
Глава 10. Цена билета
Глава 11. Бумажный крест
Глава 12. Чужой
Глава 13. Голодные игры
Глава 14. Разговор через кормушку
Глава 15. Искра
Глава 16. Танго со смертью
Глава 17. Цена слова
Глава 18. Камера в зеркале
Глава 19. Обратный отсчет
Глава 20. Разговор с пустотой
Глава 21. Белая рубашка
Глава 22. Три забора

Глава 1. Резьба

Запах зоны Михаил ощутил еще на КПП, за первым забором. Это была не просто вонь, как пугали в курсантской казарме, а тяжелый, многослойный дух, который оседал на языке металлическим привкусом: прелая шерсть арестантских роб, кислые щи из варочного цеха, дешевый табак «Прима» и застарелый, неистребимый запах человеческого пота и страха, въедающийся в бетон лучше любой краски.

Контрольно-пропускной пункт колонии «Солнечный-12» гудел. В тесной «дежурке» старший прапорщик Васютин, дежурный по части, с лицом цвета переваренной свеклы, орал в трубку на склад: «Я тебе сказал — прокладки для "чаши Генуя", а не эту резину, которая рассыпается! У меня пол в штабе плавает, а не в бассейне!». На Михаиле всё еще топорщилась новенькая, жесткая форма. Погоны с двумя маленькими звездами казались чужими на плечах.

— Воронов? — Васютин, закончив орать, швырнул трубку и ткнул коротким пальцем в сторону старшины смены, протиравшего засаленной тряпкой пульт видеонаблюдения. — Знакомься. Это наш патриарх. Старшина Локтев. А это наш новый «кум». Старший лейтенант. Прибыл для дальнейшего закапывания.

Старшина Локтев — рыхлый мужик с отечным лицом и одышкой — смерил Михаила взглядом, в котором не было

ни капли уважения, только усталое любопытство патолого-анатома.

— Из Москвы, что ли? — хрипло спросил он, выдыхая облако перегара. — Погоны-то блестят, как у кота яйца.

— Из областного управления, — сухо ответил Михаил, протягивая предписание.

— Оно и видно. Ну, пошли, старшой. Проведу по достопримечательностям. Отряд номер четыре. Сто двадцать рыл. Половина — открытая форма туберкулеза, вторая половина — отморозки, которым терять нечего, кроме анализов.

Их первая остановка случилась в локальном секторе, у входа в жилой барак. Прямо на асфальте, под холодным октябрьским солнцем, на аккуратно расстеленном куске картона грелся худой арестант. Он не сидел, а именно возлежал, закинув ногу на ногу. На нем была черная олимпийка, сшитая явно не в тюремном ателье.

— О, Барон лег, — усмехнулся Локтев, сплевывая шелуху от семечек. — Барон, к тебе пополнение.

Арестант открыл глаза. Они были светлые, почти прозрачные, и совершенно не вязались с его землистым лицом, испещренным синими наколками перстней.

— Как звать, начальник? — голос у него был тихий, с легкой хрипотцой, но он перекрыл гул плаца без всякого напряжения.

— Старший лейтенант Воронов, — по уставу ответил Михаил, чувствуя, как по спине, несмотря на плотный сукнец

кителя, ползет холодок.

— Мишенька, значит, — Барон медленно сел, хрустнув суставами. — Слушай сюда, Мишенька. Устав — он для штаба хорош. Для паркетных шаркунов. А здесь у нас режим. Понял? Если ты завтра на проверке моего дневального за расстегнутый воротник в изолятор закроешь — послезавтра в твою шинель в раздевалке бритву вошьют. Или в матрас. Как повезет. Мы же не хотим, чтобы ты до дома инвалидом доехал? У тебя ведь мама, невеста... Я слышал, Леночка зовут. Хорошая девочка.

Михаил почувствовал, как каменеют скулы. Адреналин ударил в виски. Он сделал шаг вперед, сокращая дистанцию.

— Осужденный, встать.

Барон не шелохнулся. Он лишь улыбнулся краем рта, обнажив металлическую фиксу.

— Вот видишь. Ты уже злишься. А злость, начальник, она как песок в резьбе. Механизм клинит. Ты либо научишься резьбу смазывать, либо сорвешь ее к чертям. И тогда тебя самого на списание пустят. По дурке.

Локтев дернул Михаила за рукав бушлата:

— Пойдем, старшой. Не лезь. Он на хорошем счету у хозяина, трогать нельзя. Крыша у него в области.

Весь день Воронов провел в отряде. Он проверял заправку коек по белогвардейскому линеечному методу, который вбивали в институте до автоматизма. Осужденные смотрели на него кто с усмешкой, кто с откровенной, тяжелой злобой.

Он поймал косой взгляд огромного, заросшего черной бородой мужика в грязной робе, сидевшего на корточках у окна.

— Чего смотришь? — не выдержал Михаил.

— Упорный, — протянул тот, сплевывая на пол. — Сразу видно. Такие ломаются громче всех. Больнее.

Вечером, когда колонна ушла на проверку, а Михаил остался заполнять журнал учета нарушений в кабинете начальника отряда, дверь приоткрылась. На пороге стоял прапорщик-сверхсрочник, контролер с вышки. Лицо у него было серым и невыразительным.

— Лейтенант, — он воровато оглянулся и протянул сверток, обернутый в старую газету «Пенсионер». — Тут это... ребята собрали. Продуктовый. Чай, сигареты, тушенка «Йорк». Чтобы, значит, обвыкся быстрее. Традиция.

Михаил поднял глаза. Он знал, что это. Это был первый взнос. Первый тест на лояльность. Взять — значит признать правила игры, стать «своим» для баланды и продола. Отказать — объявить войну всему надзор составу, остаться без поддержки на вышках, где от этих людей зависит твоя жизнь во время ночного обхода.

— Передай «ребятам», — Михаил говорил медленно, взвешивая каждое слово, чувствуя на себе взгляд Локтева из-за мониторов, — что старший лейтенант Воронов взяток не берет. Ни продуктами, ни советами. Свободен.

Прапорщик молча убрал сверток под мышку. В его глазах на долю секунды мелькнуло что-то похожее на уважение, но

тут же сменилось тяжелым, холодным льдом.

— Ну-ну, — бросил он и вышел, оставив дверь приоткрытой.

Михаил остался один. За окном в сгущающихся сумерках перекликались часовые, звук разносился над мокрым плацем гулко и тоскливо. Он сел за стол, придвинул к себе журнал учета рапортов. Руки, сжимавшие ручку, слегка дрожали. Идеалы в карман кителя не положишь. От холода они не спасают. А резьба, о которой говорил Барон, уже начала предательски скрипеть.

Глава 2. Макулатура

Кабинет подполковника внутренней службы Петра Аркадьевича Гвоздева находился на втором этаже штаба. Сюда не долетал запах зоны — здесь царил дорогой, но уже выдохшийся освежитель воздуха «Морской бриз» и запах казенного пластика. На полированной тумбе стоял огромный портрет президента, а рядом — вымпел «За образцовое содержание подотчетного имущества» и грамота от губернатора.

Сам Гвоздев сидел в глубоком кожаном кресле, которое жалобно скрипело при каждом его движении. Это был массивный мужчина с красной шеей бульдога и короткими пальцами-сосисками, унизанными массивным золотым перстнем. Перед ним на столе лежала стопка глянцевых журналов «Главбух» и «За рулем» пятилетней давности.

— Заходи, Воронов, — Гвоздев не поднял глаз от журналов, методично сминая их один за другим и бросая в картонную коробку у ножки стола. — Садись.

Михаил сел на жесткий стул для посетителей. От вчерашней уверенности не осталось и следа. Плечи ныли после восьми часов строевой подготовки с отрядом, ноги гудели, а в горле першило от цементной пыли.

Гвоздев, наконец, оторвался от чтения. Он смял последний журнал с фотографией новой «Лады» и удовлетворенно откинулся на спинку.

— Значит так, — веско сказал подполковник. — План по макулатуре. Горит синим пламенем. Квартал закрываем. У тебя в четвертом отряде сто двадцать рыл. Считай: по два килограмма с носа. Двести сорок кило. Даю срок до вечера. Чтобы коробка в коридоре была полная. Понял задачу, старший лейтенант?

Михаил моргнул.

— Товарищ подполковник, но… это же нарушение распорядка дня. У нас в отряде половина людей — хроники, им по режиму положен отдых в дневное время. Вторая половина на промзоне. У них график выработки. Если я сейчас погоню их собирать старые газеты по локалке, это сорвет личное время. Начнутся жалобы. Прокурорские проверки по линии соблюдения прав человека...

— Плевать мне на прокурорских! — Гвоздев ударил пухлой ладонью по столу. Звякнула пустая кружка с надписью «Лучший начальник». — Мне прокурорские твои до лампочки! Мне нужно двести сорок кило! У меня комиссия из главка через неделю. Они отчетность смотрят. Если по бумаге макулатуры не будет, мне квартальную премию срежут. А у меня, между прочим, дочь замуж выходит, зал в «Плазе» арендован, ведущий из Москвы летит! Ты понимаешь экономику процесса, лейтенант, или тебя в твоем институте только права человека читать учили?

— Я понимаю, товарищ подполковник. Но план по сбору вторсырья — это обязанность хозяйственного отряда. У них

там и пресс есть, и транспорт. Мой отряд занимается воспитательной работой.

Гвоздев медленно встал. Он обошел стол, нависнув над Михаилом всей своей тушей. От него пахло дешевым одеколоном «Шипр», съеденным чесноком и несвежим дыханием человека, который спит по четыре часа.

— Воспитательной? — прошипел он, брызгая слюной. — А вот это что? — Он ткнул коротким пальцем в распечатку, лежавшую на столе. — Это рапорт от старшего прапорщика Нефедова. Контролер с вышки номер два. Пишет, что ты вчера отказался от гуманитарной помощи. Отказался от продуктового набора, который личный состав тебе добровольно выделил для адаптации. Ты, сопляк, авторитет коллектива подрываешь. Думаешь, самый честный? Чистенький?

— Это была взятка, — тихо, но твердо сказал Михаил, глядя на красные прожилки на шее начальника.

— Взятка?! — Гвоздев побагровел так, что казалось, его сейчас хватит удар. — Это, Воронов, традиция! Это сплочение! Ты своим чистоплюйством мне всю агентурную сеть похеришь! Нефедов — мой лучший глаз на периметре. Если он на тебя зуб держать будет, кто тебе спину в ШИЗО прикроет, когда тебя блатные на перо посадят? Пушкин?

Подполковник вернулся в кресло, тяжело дыша. Он схватил следующий журнал.

— Значит так, — сказал он уже тише, деловым, почти ласковым тоном, который пугал больше крика. — Делаешь, как

я сказал. Двести сорок кило. Если не сделаешь — я рапорт Нефедова на стол прокурору положу. Как воспрепятствование деятельности администрации и отказ от взаимодействия с активом. Тебя к вечеру из органов пнут по статье. С волчьим билетом. И никакой невесты твоей не достанется офицер, который из зоны выгребную яму лопатой черпал. Свободен.

Михаил вышел в коридор на негнущихся ногах. В кармане кителя лежала сложенная вчетверо распечатка рапорта Нефедова. Он прислонился лбом к холодному стеклу окна, выходящего на локальный сектор. Стекло было грязным, в засохших потеках дождя.

Внизу, на плацу, осужденные четвертого отряда, вместо положенного по распорядку часа отдыха, под присмотром ухмыляющихся прапорщиков собирали в мешки старые стенгазеты, обрывки картона от посылок и пустые сигаретные пачки. Барон стоял в стороне, скрестив руки на груди, и смотрел прямо на окно начальника. Он не помогал, но и не мешал. Он просто наблюдал, как система сама, без его участия, перемалывает нового кума.

Михаил достал рапорт Нефедова. Бумага мелко дрожала в пальцах. Это была не просто жалоба. Это была удавка. И Гвоздев только что показал, как легко он может затянуть петлю.

Глава 3. Прожектор

В ноль часов ноль минут над колонией «Солнечный-12» взвыла сирена. Короткий, режущий уши сигнал — отбой.

Михаил стоял в дежурной части смены, сжимая в руке тяжелую резиновую палку ПР-73. Рукоятка была влажной от пота. После разноса у Гвоздева он не спал. Он заступил ответственным по колонии — старшим в смене, куда, помимо него, входили два прапорщика-контролера, дежурный офицер (сонный майор из соседнего отдела) и кинолог с уставшей овчаркой.

— Четвертый сектор на тебе, — буркнул майор, передавая ключи и журнал приема-сдачи поста. — Там у тебя Барон. Смотри в оба. И к Нефедову на вышку зайди, отметься. Он мужик нервный, любит в воздух пальнуть для порядка, если тень увидит.

Михаил кивнул. Он знал этот ритуал. Ночной обход — это не просто проверка замков. Это демонстрация присутствия. Проверка того, кто в доме хозяин.

Он вышел в промозглую октябрьскую ночь. Моросил мелкий, секущий дождь, превращая асфальт плаца в черное, жирное зеркало, в котором отражались желтые пятна редких фонарей. В свете этих фонарей туман казался густым, как скисшее молоко.

Михаил вошел в первый локальный участок. Тяжелая ре-

шетчатая калитка захлопнулась за ним с глухим стуком, эхом прокатившимся по пустому пространству. Автоматический замок щелкнул, отрезая путь к отступлению. До следующей калитки — сто метров открытого пространства, простреливаемого с двух вышек.

Здесь стояла мертвая тишина, лишь изредка прерываемая влажным, клокочущим кашлем туберкулезника из соседнего барака да далеким, монотонным гулом лесовоза на федеральной трассе.

Михаил дошел до середины сектора. И в этот момент погас прожектор.

Тот самый, что висел на углу вышки Нефедова и заливал слепящим белым светом весь его участок. Пространство провалилось в абсолютный, чернильный мрак.

Михаил замер. Сердце пропустило удар, а затем заколотилось где-то в горле, отдаваясь пульсом в висках. Он знал, что прожектора просто так не гаснут. Лампочки здесь меняют по первому чиху, потому что дежурный по части за неработающий периметр голову снимет. Это была не поломка. Это был сигнал.

— Нефедов! — крикнул Михаил, задрав голову в сторону вышки, скрытой во тьме. — Какого хрена?! Свет!

В ответ — только шум дождя, барабанящего по жестяному навесу вышки.

Из темноты, от стены барака, донесся тихий, издевательский свист. А потом — звук. Скрежет металла по бетону.

Кто-то чиркал заточкой о стену.

Михаил вскинул дубинку, перехватив ее двумя руками.

— Отряд, смирно! — рявкнул он в темноту, пытаясь голосом, командным тоном заполнить пустоту. — Осужденные, по своим местам! Проверка!

— Да мы и так на месте, начальник, — голос Барона раздался совсем рядом, из-за спины. Михаил резко развернулся, выставив вперед ПР-73, но схватил лишь холодный, мокрый воздух. — Не дергайся, старшой. Ногу подвернешь. Тут после дождя плиты скользкие, голову расшибешь.

— Где ты? — Михаил водил дубинкой перед собой, как слепец. — Я сказал, по местам!

— А мы и не вставали, — спокойно ответил Барон. Теперь его голос шел справа, от угла пищеблока. — Мы просто воздухом дышим. После твоего приказа про макулатуру душно в спальных помещениях стало. Гвоздев пыль поднял, дышать нечем.

Из темноты, с разных сторон, начали проступать силуэты. Три, пять, семь человек. Они не подходили вплотную, держась на границе видимости, там, где кончался свет от фонарей соседнего сектора. Они просто стояли и дышали. Это была классическая «постановка на лыжи» — психологическая пытка. Когда десяток человек молча смотрят на тебя в темноте, не делая резких движений, психика начинает давать сбои. Начинает казаться, что они везде.

Михаил почувствовал, как по спине течет холодный пот,

смешиваясь с дождем. В сапогах хлюпало.

— Последнее предупреждение, — голос Михаила дрогнул, сорвавшись на фальцет. — Применю спецсредства! Буду стрелять!

— Валяй, — усмехнулся Барон. — Пали, старшой. Только учти: у Нефедова на вышке приказ. Если что начнется, он в воздух не стрельнет. Он тебе в ноги стрельнет. Случайно. При попытке пресечения массового беспорядка. А потом скажет, что ты пьяный был и на контролера бросился. У тебя ведь рапорт уже есть, Миша. О неподчинении. От самого Нефедова. Гвоздев в сейфе держит.

Они знали всё. О рапорте, о Гвоздеве, о макулатуре, о том, что у него невеста в Москве. Информационный вакуум в зоне — миф. Здесь стены имели уши.

Михаил понял, что проиграл этот раунд вчистую. Он был один. В темноте. В запертом секторе. Против людей, которым нечего терять, и коллег, которые сдали его при первой же возможности.

— Хорошо, — неожиданно для самого себя сказал он. Он опустил дубинку, и руки тут же налились свинцом. — Я вас услышал.

Он сделал шаг назад, не поворачиваясь к ним спиной, нащупал замок следующей калитки, лязгнул ключом и вывалился в соседний, освещенный сектор, едва не упав на колени.

Когда он оказался под светом фонаря, колени его подо-

гнулись. Он прислонился к мокрой кирпичной стене, пытаясь унять дрожь в руках. Его форма насквозь промокла и весила, казалось, пуд.

В кармане завибрировал служебный телефон. На экране высветился номер дежурного по части.

— Воронов? — голос дежурного, старшины Васютина, был сонным, но злым. — У тебя там в четвертом тихо? А то Нефедов доложил, у тебя там бунт начался, стрельбу просил. Я не дал. Сказал, сам разберешься, раз такой умный.

— Разобрался, — хрипло ответил Михаил.

— Ну и ладушки. А Гвоздев, кстати, час назад уехал. Сверток какой-то большой в багажник джипа грузил. Сказал, на свадьбу дочери, подарки. Ты там держись, старшой.

Связь оборвалась.

Михаил поднял голову. В окне второго этажа административного корпуса, в кабинете начальника колонии, горел свет. Гвоздев не уехал домой. Он сидел в своем кресле, пил и смотрел, как его новая игрушка корчится в темноте.

Михаил отлепился от стены. Макулатура. Нужно было идти считать макулатуру. Двести сорок килограммов. Иначе завтра его самого упакуют в коробку и отправят на утилизацию.

Глава 4. Война скрепок

В семь утра административный корпус пах свежим вареным кофе и озоном от работающего принтера. Для большинства сотрудников штаба рабочий день начинался с планерки. Для Михаила он начался в канцелярии.

Он сидел за свободным столом, перед стопкой казенной бумаги формата А4. Его собственная ручка — подарок Лены, с гравировкой «На удачу» — была пуста. Он взял со стола старую шариковую «Bic» с логотипом ФСИН и начал писать.

Его почерк был идеальным. Тот самый, каллиграфический, за который в училище ставили «отлично» по служебной подготовке. Каждая буква стояла на своем месте, как солдат в строю.

Начальнику УФСИН по N-ской области

генерал-майору вн. сл. Малинину К. В.

от старшего лейтенанта вн. сл. Воронова М. А.

начальника отряда №4 ИК-12 «Солнечный-2»

РАПОРТ

Докладываю Вам, что 24 октября сего года, в 00:15, во время проведения планового обхода жилой зоны (сектор №4, отряд №4), произошел отказ технического средства охраны — прожектора ПЗС-45, закрепленного за караульной вышкой №2.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.